

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАУЧНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В XXI ВЕКЕ (THE PRIORITY RESEARCH AREAS IN THE XXI CENTURY)

***Материалы Международной
научно-практической конференции
30 сентября 2026 года
(г. Прага, Чехия)***

Vydavatel «Osvícení»

Материалы Международной (заочной)
научно-практической конференции
под общей редакцией **А.И. Вострцова**

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАУЧНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В XXI ВЕКЕ (THE PRIORITY RESEARCH AREAS IN THE XXI CENTURY)

научное (непериодическое) электронное издание

Приоритетные научные направления в XXI веке [Электронный ресурс] / Vydavatel «Osvícení», Научно-издательский центр «Мир науки». – Электрон. текст. данн. (1,82 Мб.). – Нефтекамск: Научно-издательский центр «Мир науки», 2026. – 1 оптический компакт-диск (CD-ROM). – Систем. требования: PC с процессором не ниже 233 МГц., Microsoft Windows Server 2003/XP/Vista/7/8, не менее 128 МБ оперативной памяти; Adobe Acrobat Reader 10.1 или выше; дисковод CD-ROM 8х или выше; клавиатура, мышь. – Загл. с тит. экрана. – Электрон. текст подготовлен НИЦ «Мир науки».

© Vydavatel «Osvícení», 2026

© Научно-издательский центр «Мир науки», 2026

СВЕДЕНИЯ ОБ ИЗДАНИИ

Классификационные индексы:

УДК 001

ББК 72

П76

Составители: Научно-издательский центр «Мир науки»

А.И. Вострецов – гл. ред., отв. за выпуск

Аннотация: В сборнике представлены материалы Международной (заочной) научно-практической конференции «Приоритетные научные направления в XXI веке», где нашли свое отражение доклады студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей и научных сотрудников вузов Российской Федерации, Казахстана и Республики Беларусь по техническим, педагогическим и другим наукам. Материалы сборника представляют интерес для всех интересующихся указанной проблематикой и могут быть использованы при выполнении научных работ и преподавании соответствующих дисциплин.

Сведения об издании по природе основной информации: текстовое электронное издание.

Системные требования: PC с процессором не ниже 233 МГц., Microsoft Windows Server 2003/XP/Vista/7/8, не менее 128 МБ оперативной памяти; Adobe Acrobat Reader 10.1 или выше; дисковод CD-ROM 8х или выше; клавиатура, мышь.

© Vydavatel «Osvícení», 2026

© Научно-издательский центр «Мир науки», 2026

ПРОИЗВОДСТВЕННО-ТЕХНИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

НАДВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ:

Сведения о программном обеспечении, которое использовано при создании электронного издания: Adobe Acrobat Reader 10.1, Microsoft Office 2010.

Сведения о технической подготовке материалов для электронного издания: материалы электронного издания были предварительно вычитаны филологами и обработаны программными средствами Adobe Acrobat Reader 10.1 и Microsoft Office 2010.

Сведения о лицах, осуществлявших техническую обработку и подготовку: А.И. Вострецов.

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ:

Дата подписания к использованию: 1 октября 2026 года.

Объем издания: 1,82 Мб.

Комплектация издания: 1 пластиковая коробка, 1 оптический компакт диск.

Наименование и контактные данные юридического лица, осуществившего запись на материальный носитель: Научно-издательский центр «Мир науки»

Адрес: Республика Башкортостан, г. Нефтекамск, улица Дорожная 15

Телефон: 8-917-36-96-471

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

В.М. Алефиренко, А.Д. Денскевич, Д.Д. Маханьков Комплексный анализ технических параметров усилителей для аналоговых камер систем видеонаблюдения	7
О. Evseeva, A.Y. Yafremava Exploratory analysis of EEG spectral features for psychiatric screening	14
Е.В. Климова, С.Б. Джасхьяева Пути снижения тяжести последствий вторичных дорожно-транспортных происшествий	20

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

З.Н. Нурлигенова, А.Е. Сарсенбаева, А.Т. Шакимова Движение «Алаш» и формирование идеи национальной государственности в Казахстане	26
М.А. Яковлева Социокультурные процессы у саамов и коми-ижемцев: исторический контекст и современное состояние	32

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

А.А. Здерев Сетевая структура как фактор экономической безопасности: оценка эффектов масштаба и взаимосвязей	40
Т.Н. Иголкина, Ю.Ф. Богатырева Мониторинг экономического положения организации и его роль в системе антикризисного управления	47
А.А. Кантарович, А.Е. Фадеева Основные направления развития контроля за ввозом и оборотом товаров в условиях цифровизации	52

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ю.В. Зверева Обеспечение киберустойчивости как
фундаментальный инструмент укрепления
информационного суверенитета Российской Федерации 57

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

О.В. Кулибина От школьного опыта к университетской
траектории: мотивационные основания
преемственности образования 62

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

В.М. Алефиренко,

канд. техн. наук, доцент,

А.Д. Денскевич,

магистр, ассистент,

Д.Д. Маханьков,

студент 4 курса,

*Белорусский государственный университет
информатики и радиоэлектроники,
г. Минск, Республика Беларусь*

КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ТЕХНИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ УСИЛИТЕЛЕЙ ДЛЯ АНАЛОГОВЫХ КАМЕР СИСТЕМ ВИДЕОНАБЛЮДЕНИЯ

Аннотация: в статье проведен сравнительный анализ усилителей для аналоговых камер, используемых в системах видеонаблюдения, на основе результатов комплексного анализа, включающего расчет арифметического и геометрического показателей качества. Представлены диаграммы распределения комплексных показателей качества, которые дают возможность проводить сравнение устройств согласно их техническим параметрам и выбирать наиболее эффективные модели для лучшего функционирования охранных телевизионных комплексов.

Ключевые слова: системы видеонаблюдения, аналоговые камеры, усилители, технические параметры, сравнительный анализ, комплексные показатели качества, арифметический показатель качества, геометрический показатель качества, диаграммы распределения моделей усилителей.

Современные системы видеонаблюдения выходят за пределы стандартных решений и начинают представлять собой распределенные комплексы, которые могут быть построены на базе аналоговых камер, применяемых для непосредственного мониторинга охраняемой зоны. И зачастую камеры находятся на значительных расстояниях как друг от друга, так и от различных

типов оборудования, объединяющего их в общую сеть. Поэтому одним из ключевых звеньев в данной инфраструктуре являются усилители для аналоговых камер, необходимые для компенсации затухания видеосигнала при передаче по протяженным трассам.

Усилитель видеосигнала позволяет увеличить дальность передачи аналогового видеосигнала от камер видеонаблюдения по комбинированному или коаксиальному кабелю. Также усилитель аналогового сигнала может быть оснащен корректором видеосигнала, который дает возможность увеличить четкость изображения с камеры или восстановить потери сигнала, связанные с низким качеством кабеля или большого количества соединений на линии [1].

Из-за интенсивного развития сферы видеонаблюдения и увеличения количества и размеров кабелей систем видеонаблюдения рынок непрерывно пополняется новыми моделями усилителей для аналоговых камер, усложняя для покупателя выбор наиболее подходящего устройства.

Для упрощения данной задачи может применяться комплексный метод оценки технических параметров усилителей для аналоговых камер с дальнейшим сравнением полученных значений, который показал свою применимость и эффективность на практике [2, 3]. Этот метод предполагает использование арифметического и геометрического показателей качества:

$$K_{\text{ариф}} = \sum_{i=1}^m \alpha_{Hi} \cdot k_{Hi}, \quad (1)$$

$$K_{\text{геом}} = \sqrt[m]{\prod_{i=1}^m k_{Hi}^{\alpha_{Hi}}}, \quad (2)$$

где k_{Hi} – нормированный i -й единичный показатель;

α_{Hi} – нормированный коэффициент, характеризующий вес (значимость, важность) i -го единичного показателя;

m – количество единичных показателей, принятых во внимание.

Для проведения сравнения в работе были взяты семь моделей усилителей для аналоговых камер, относящиеся к различным производителям. За единичные показатели были приняты 11 наиболее важных технических параметров: максимальное расстояние передачи данных, усиление, количество поддерживаемых форматов, количество входов, количество выходов, минимальная и максимальная рабочие температуры, длина, ширина, высота и масса.

Результаты расчетов показателей качества, проведенные по формулам (1) и (2) для каждого усилителя, представлены на рисунке 1 и 2.

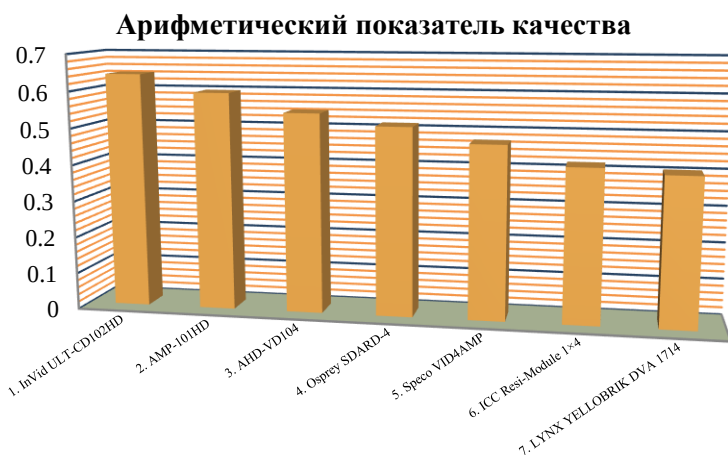

Рисунок 1 – Распределение комплексных арифметических показателей качества усилителей для аналоговых камер

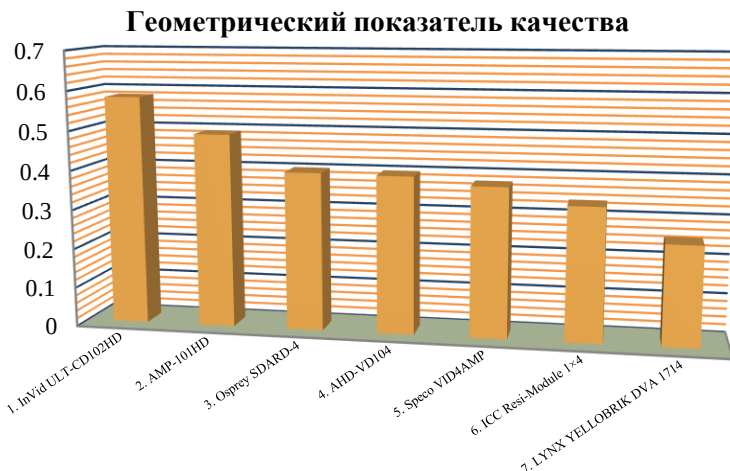

Рисунок 2 – Распределение комплексных геометрических показателей качества усилителей для аналоговых камер

Анализируя данные полученных диаграмм, приходим к выводу о том, что комплексные геометрические показатели имеют более высокий разброс значений как между крайними местами, составляющий 0,33, так и между группами, максимальное значение которого равно 0,09. В свою очередь комплексные арифметические показатели имеют значения 0,24 и 0,05 соответственно. Такое различие в величинах обусловлено более высокой чувствительностью комплексного геометрического показателя к малым значениям отдельных параметров, чем комплексного арифметического показателя.

По результатам расчетов наилучшие значения по арифметическому показателю имеют следующие усилители, идущие по убыванию мест: *InVid ULT-CD102HD* [4], *AMP-101HD* [5], *AHD-VD104* [6]. Согласно геометрическим показателям, первые два места заняли те же усилители, что и при арифметическом показателе, а третье место досталось *Osprey SDARD-4* [7]. Внешний вид вышеуказанных устройств представлен на рисунке 3. Характеристики данных устройств приведены в таблице 1.

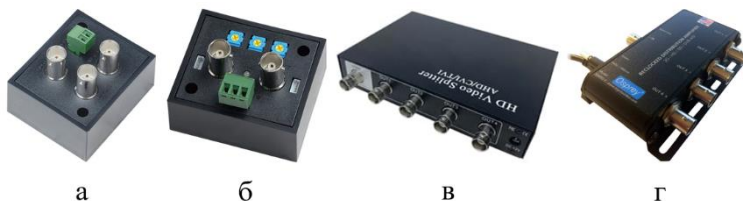

Рисунок 3 – Наилучшие модели усилителей для аналоговых камер: а – *InVid ULT-CD102HD*; б – *AMP-101HD*; в – *AHD-VD104*; г – *Osprey SDARD-4*

Таблица 1 – Технические характеристики наилучших усилителей для аналоговых камер из рассмотренных моделей

Характеристики	Модели			
	<i>InVid ULT-CD102HD</i>	<i>AMP-101HD</i>	<i>AHD-VD104</i>	<i>Osprey SDARD-4</i>
1. Максимальное расстояние передачи данных, м	600	800	300	400
2. Усиление, дБ	14	15	18	14
3. Количество поддерживаемых форматов, шт.	3	3	3	4
4. Количество входов, шт.	1	1	1	1
5. Количество выходов, шт.	2	1	4	4
6. Минимальная рабочая температура, °C	-40	0	-20	0
7. Максимальная рабочая температура, °C	55	55	50	40
8. Длина, мм	74	57,8	140	95
9. Ширина, мм	43,2	49,2	110	70
10. Высота, мм	45,2	41,7	26	22
11. Масса, кг	0,065	0,07	0,23	0,36

Таким образом, представленный метод оценки уровня качества усилителей для аналоговых камер, использующий арифметический и геометрический показатели, обеспечивает комплексное сравнение рассматриваемых моделей с последующим выделением из всего списка определенной модели с наилучшими характеристиками, в наибольшей степени соответствующими задачам конкретной системы видеонаблюдения.

Список использованных источников и литературы:

[1] Ворона В.А. Технические средства наблюдения в охране объектов / В.А. Ворона, В.А. Тихонов. – Москва: Горячая линия-Телеком, 2022. – 188 с.

[2] Морозова А.Н. Выбор видеокамер для систем внутреннего наблюдения / А.Н. Морозова, В.М. Алефиренко, Д.Д. Маханьков // Science Time. – 2026. – №2 (145). – С. 52-55.

[3] Алефиренко В.М. Выбор состава технических средств для систем обеспечения безопасности / В.М. Алефиренко // Доклады БГУИР. – 2017. – №2 (104). – С. 39-44.

[4] SC&T CD102HD Усилитель-разветвитель видеосигнала [электронный ресурс] // ESTRADE.BY: интернет-магазин. – Электрон. данные. URL: <https://estrade.by/product/sct-cd102hd-usilitel-razvetvitel-videosignala-hdcvi-tvi-ahd-1vx/> (дата обращения 05.09.2026). – Заглавие с экрана.

[5] Видеоусилитель HDTV1 CA-101HD [электронный ресурс] // OPTICOMTECH.COM: системы видеонаблюдения. – Электрон. данные. URL: <https://opticomtech.com/product/ca-101hd/> (дата обращения 05.09.2026). – Заглавие с экрана.

[6] HD-видеоразветвитель-усилитель для систем видеонаблюдения AHD-VD104 [электронный ресурс] // CCTV CAMERA PROS: интернет-магазин систем видеонаблюдения. – Электрон. данные. URL: <https://www.cctvcamerapros.com/HD-CCTV-Video-Splitter-Amp-p/ahd-vd104.htm> (дата обращения 05.09.2026). – Заглавие с экрана.

[7] Усилитель распределения видеосигнала Osprey SDARD-4 [электронный ресурс] // B&N PHOTO VIDEO: интернет-магазин электроники. – Электрон. данные. URL: <https://www.bhphotovideo.com/c/product/1165093->

REG/osprey_97_11024_sdard_4_1_4_reclocking_video.html (дата обращения 05.09.2026). – Заглавие с экрана.

© *В.М. Алефиренко, А.Д. Денскевич, Д.Д., Маханьков, 2026*

O. Evseeva,
*fourth-year student,
Information systems and technologies,*
A.Y. Yafremava,
*master, associate professor
of the Department of ICSD
Belarusian state university
of informatics and radioelectronics,
Minsk, Republic of Belarus*

EXPLORATORY ANALYSIS OF EEG SPECTRAL FEATURES FOR PSYCHIATRIC SCREENING

Abstract: this study examines an open EEG dataset to assess the opportunities and limitations of spectral features for preliminary psychiatric screening. Demographic and diagnostic distributions were analysed before restricting the sample to participants aged 18–30 years. Band-power differences were then described relative to healthy controls, and two anomaly detectors were evaluated as an initial feasibility check. The analysis revealed pronounced sample imbalance and heterogeneous spectral changes across diagnoses. These findings define the limits of the empirical reference group and justify further testing of supervised models, without establishing diagnostic biomarkers.

Keywords: electroencephalography, exploratory data analysis, spectral power, empirical reference, anomaly detection.

Introduction. EEG records the electrical activity of the brain through electrodes placed on the scalp. Spectral analysis represents this activity in frequency bands associated with different functional states. In psychiatry, these measurements are investigated as additional sources of information rather than substitutes for clinical assessment [1, 2]. However, a visible difference between diagnostic groups does not necessarily provide a reliable rule for classifying an individual.

This study addresses two related objectives: to characterize the dataset and to describe spectral differences within a selected age group, and to assess whether deviations from a healthy reference can

support binary screening. Exploratory analysis is central to both objectives: it determines which participants can be compared and which conclusions the data can support.

Dataset and demographic analysis.

The open EEG Psychiatric Disorders Dataset contains 945 participants and pre-calculated spectral and coherence variables. The source study describes five-minute, eyes-closed resting-state recordings [1]. The present analysis uses absolute power (AB): six bands at 19 electrodes, or 114 features. Coherence measures relationships between electrodes and is reserved for later work because this study focuses on band power.

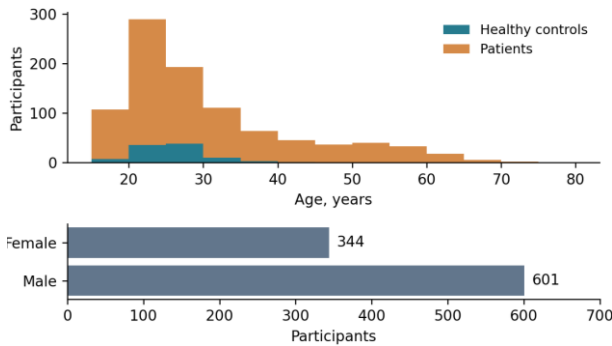

Figure 1 – Age distribution by clinical status and sex distribution in the full dataset

The sample includes 601 men (63.6%) and 344 women (36.4%). Mean age is 30.6 ± 11.8 years. Healthy controls have a narrower age distribution than patients and a mean age of 25.7 ± 4.5 years. Figure 1 therefore identifies a limitation of a single reference applied across the entire sample, not merely a demographic characteristic.

There is no universal numerical EEG norm that is independent of age and recording conditions [2]. Restricting the analysis to participants aged 18-30 years narrows the age range and retains 84 of the 95 healthy controls. However, this restriction does not eliminate

age or sex confounding; these factors remain methodological limitations rather than being resolved by excluding them from model inputs.

Age-restricted sample and analysis strategy.

The selected sample contains 599 participants: 84 healthy controls (14.0%) and 515 patients (86.0%). Figure 2 further demonstrates substantial imbalance across diagnostic categories. Depression is the largest patient group (123 participants), followed by behavioural addiction (78) and schizophrenia (65). Adjustment disorder and post-traumatic stress disorder are represented by only 21 and 12 observations, respectively.

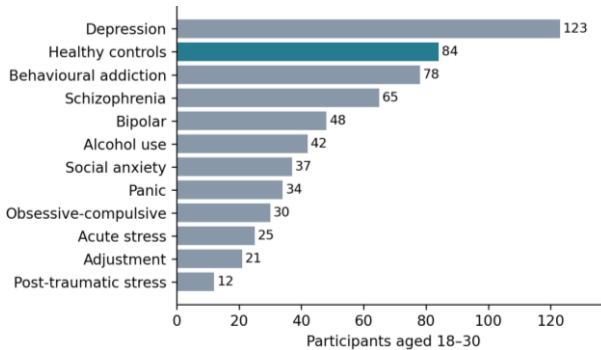

Figure 2 – Diagnostic composition of the sample aged 18-30 years

This distribution has two consequences. First, an algorithm that labels everyone as a patient already reaches approximately 86% accuracy; this is not evidence of useful screening. Second, estimates for small diagnostic groups are less stable. All diagnoses were retained for the binary model check, but the descriptive spectral comparison was limited to groups with at least 25 participants. This pragmatic cutoff does not guarantee statistical power.

The healthy spectral reference was defined using the clinical labels, without additionally selecting controls according to the autoencoder output. Otherwise, the reference would depend on the model being evaluated and could artificially narrow the apparent range of normal variation.

Spectral differences between diagnostic groups.

For each participant, absolute power was averaged across the 19 electrodes separately within each frequency band. Group means were then compared with the corresponding healthy-control mean. The percentage difference was calculated as $D=100 \times (P_{\text{group}} - P_{\text{healthy}}) / P_{\text{healthy}}$. This quantity represents a relative change in absolute power, not relative band power expressed as a fraction of total EEG power.

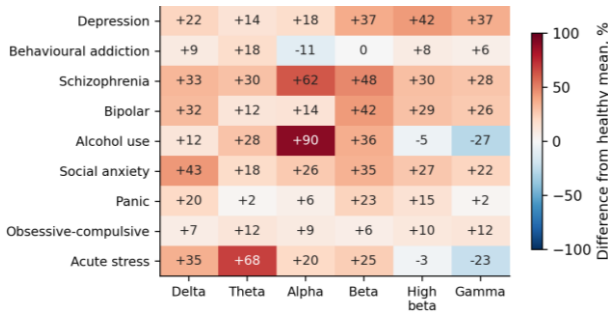

Figure 3 – Percentage differences in mean band power from healthy controls; descriptive estimates, not significance tests

Compared with healthy controls, the alcohol use disorder group exhibited higher mean alpha power (+90.0%) and lower gamma power (-27.4%) than controls. The depression group exhibited higher beta (+36.9%) and high-beta power (+42.2%); schizophrenia showed higher alpha (+62.3%) and beta power (+47.7%). Acute stress showed higher theta power (+68.5%). Because these patterns overlap across diagnoses, they should be interpreted as descriptive sample estimates rather than diagnostic signatures.

These group summaries do not show how accurately individual participants can be separated. Arithmetic means also remain sensitive to extreme values, and averaging across electrodes removes spatial detail. The heatmap is therefore an exploratory description that motivates the model evaluation rather than as evidence of diagnosis-specific spectral patterns.

Initial anomaly-detection check.

Two anomaly detection models were compared to distinguish healthy participants from patients using EEG spectral features. Both learned a reference from healthy participants aged 18–30. Isolation Forest identifies unusual profiles through random partitions [3], whereas the autoencoder detects deviations through reconstruction error [4]. Neither model was trained to identify specific diagnoses.

Evaluation used ten stratified splits, with approximately 60% of observations allocated to training, 20% to calibration and 20% to testing. Standardisation and model fitting used only healthy training observations. Isolation Forest contained 500 trees; the autoencoder used hidden layers of 64–32–16–32–64 neurons, ReLU activation and Adam optimisation, with a maximum of 2,000 iterations.

To prioritise patient detection, thresholds were selected on the calibration subset by maximising specificity while maintaining sensitivity of at least 0.90. This was an experimental target, not a clinical standard. The test subset was used only for evaluation. Table 1 summarises the mean results.

Table 1 – Mean test performance across ten splits

Metric	Isolation Forest	Autoencoder
Sensitivity	0.911	0.898
Specificity	0.147	0.194
Balanced accuracy	0.529	0.546
ROC AUC	0.599	0.638

Isolation Forest achieved slightly higher mean sensitivity, whereas the autoencoder performed better in specificity, balanced accuracy and ROC AUC. However, both models incorrectly flagged most healthy controls. The autoencoder’s higher mean ROC AUC therefore suggests only a modest advantage; statistical significance was not established. Overall, these findings show the limitations of detecting psychiatric conditions solely as deviations from a healthy reference and motivate further comparison with supervised methods.

Discussion and conclusion.

The analysis characterised sample imbalance, established an age-restricted reference and quantified descriptive spectral

differences. The initial model check showed that deviations from this reference do not reliably separate healthy controls from patients. Group-level spectral changes should therefore not be equated with individual diagnostic markers.

Interpretation is constrained by the small healthy-control group, the use of single-source dataset, unequal diagnostic-group sizes, and the absence of adjustment for medication, comorbidities and sex. The public table also prevents reprocessing raw EEG. These restrictions cannot be overcome simply by increasing model complexity.

These findings provide a rationale for evaluating whether supervised models can exploit multivariate feature combinations more effectively. Future comparisons require consistent data splits, training-only feature selection and evaluation of both sensitivity and specificity. The present contribution remains independent: a characterisation of the dataset, descriptive spectral patterns and the observed limitations of the empirical-reference approach.

References:

[1] Park S.M., Jeong B., Oh D.Y. et al. Identification of Major Psychiatric Disorders From Resting-State Electroencephalography Using a Machine Learning Approach // *Frontiers in Psychiatry*. – 2021. – Vol. 12. – Article 707581. – DOI: 10.3389/fpsyt.2021.707581.

[2] Newson J.J., Thiagarajan T.C. EEG Frequency Bands in Psychiatric Disorders: A Review of Resting State Studies // *Frontiers in Human Neuroscience*. – 2019. – Vol. 12. – Article 521. – DOI: 10.3389/fnhum.2018.00521.

[3] Liu F.T., Ting K.M., Zhou Z. – H. Isolation Forest // 2008 Eighth IEEE International Conference on Data Mining. – IEEE, 2008. – P. 413-422. – DOI: 10.1109/ICDM.2008.17.

[4] Sakurada M., Yairi T. Anomaly Detection Using Autoencoders with Nonlinear Dimensionality Reduction // *Proceedings of the MLSDA 2014 2nd Workshop on Machine Learning for Sensory Data Analysis*. – New York: ACM, 2014. – P. 4-11. – DOI: 10.1145/2689746.2689747.

*Е.В. Климова,
к.т.н., доц.,
С.Б. Джахьяева,
к.т.н., доц.,
ФГБОУ ВО АГТУ,
г. Астрахань, Российская Федерация*

ПУТИ СНИЖЕНИЯ ТЯЖЕСТИ ПОСЛЕДСТВИЙ ВТОРИЧНЫХ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ

Аннотация: в статье обсуждается вопрос риска возникновения вторичных дорожно-транспортных происшествий. Приводятся способствующие факторы. С целью снижения вероятности возникновения вторичных аварий авторами представлен алгоритм безопасного поведения водителя при возникновении происшествия без пострадавших. Подчеркивается целесообразность комплексного подхода к снижению числа вторичных аварий.

Ключевые слова: дорожное движение, безопасность, вторичные ДТП, аварийность, водитель.

Наличие устойчивого правового стереотипа у российских водителей, предписывающего ожидание сотрудников полиции на месте аварии даже в случаях, когда закон обязывает освободить проезжую часть [1], обуславливает высокий процент возникновения вторичных дорожно-транспортных происшествий (ДТП).

Вторичные ДТП не отображаются напрямую в общей статистике ГИБДД РФ [7]. Такой подход делает угрозу скрытой. Как итог, люди, попавшие в ДТП, не осознают высокую вероятность повторного столкновения, а лишь заняты обеспечением правильности его оформления. Риски от страховых и строгость закона [2] вынуждают водителей сконцентрироваться на правовых аспектах. В это время участники аварии не думают о своей безопасности. Вместе с тем, вторичные ДТП, как правило, влекут значительно более тяжкие последствия, чем первичные. Так, если в среднем на

загородных трассах фиксируется 255 погибших на 1000 пострадавших, то в случае вторичных ДТП этот показатель возрастает до 350–400 смертей на 1000 пострадавших [5, 7].

Еще одна особенность – время до катастрофы. Согласно исследованиям Минтранса и ГИБДД [4], среднее время «жизни» автомобиля, остановившегося в левой или средней полосе скоростной федеральной трассы (без выставленного знака или световой индикации), составляет всего от 2 до 4 минут, после чего происходит повторный удар. До 65% всех вторичных аварий на трассах происходит в вечернее и ночное время (с 21:00 до 06:00), когда ключевыми факторами становится плохая видимость и усталость водителей [6].

В вопросах снижения вероятности возникновения вторичных ДТП стоит выделить две группы-направленности. Это блок мероприятий, направленных на недопущение возникновения вторичных аварий, и блок мероприятий, которые необходимо реализовать в случае возникновения первичного ДТП.

В части профилактики стоит выделить направления совершенствования законодательства с формированием четких рекомендаций по правилам оформления ДТП, повсеместного внедрения систем оповещения участников дорожного движения о внезапной остановке транспортного средства (ТС) на проезжей части, совершенствования дорожной инфраструктуры, камер фото-видеофиксации.

Для сведения к минимуму рисков вторичных аварий в момент возникновения первичного ДТП стоит выделить разработку рекомендаций по поведению участников дорожного движения, повсеместное внедрение интеллектуальных транспортных систем и оснащение всех ТС дополнительными техническими средствами для увеличения дальности их обнаружения.

Уменьшению количества «вторичных» ДТП и снижению тяжести их последствий может способствовать следующее:

- внесение в ПДД РФ [3] положений, предусматривающих немедленную эвакуацию пассажиров с места ДТП;

- внесение в ПДД РФ положений, запрещающих участникам дорожного движения выполнять действия по фиксации последствий ДТП до обеспечения безопасных условий на месте происшествия;

- подготовка (переработка) ведомствами и организациями информационных и методических материалов, касающихся действий участников дорожного движения на месте ДТП, с учетом первостепенности задачи обеспечения безопасности дорожного движения;

- разработка методики оперативного информирования водителей о ДТП через смартфоны, планшеты, навигаторы и информационные табло;

- разработка рекомендаций по обозначению места ДТП в условиях, когда штатного знака аварийной остановки недостаточно;

- изменение в карточке учета ДТП статуса водителя, выполняющего обязанности на месте ДТП, с «пешехода» на соответствующий ПДД РФ – «водитель, выполняющий обязанности на месте ДТП» или «водитель на месте ДТП».

Вместе с рекомендациями по предотвращению вторичных ДТП предлагаем сформулировать алгоритм безопасного поведения при вынужденной остановке на скоростной трассе. Если автомобиль сломался или попал в ДТП на скоростной трассе, у водителя есть всего несколько минут, чтобы обезопасить себя и пассажиров. Главное правило: металл можно заменить, жизнь – нет. Личное оформление царапин на дороге может привести к трагедии.

Существуют рекомендации по включению аварийной сигнализации с подачей не менее 5-7 длинных звуковых сигналов – по возможности, это следует выполнить это ещё до остановки. В условиях недостаточной видимости следует продолжать подавать длинные звуковые сигналы до тех пор, пока транспортный поток не снизит скорость.

Включение и размещение на крыше автомобиля мигающего фонаря, не выходя из автомобиля, светящего навстречу потоку, с большой вероятностью, сохранит здоровье и жизнь. Фонарь с переменной фокусировкой увеличит

эффективную дальность его обнаружения водителями, при условии установления фокуса в среднее положение. Дальний узкий фокус сужает луч, и он может стать плохо заметным даже при незначительном отклонении оси линзы от верного направления, а максимально широкий фокус сильно снижает заметность луча на дистанции свыше 100м. Важно, чтобы луч был хорошо заметен даже в солнечный день для водителей во всех попутных рядах движения, с расстояния 200-300 метров, чего как раз и позволяет добиться средняя фокусировка.

Выход из автомобиля стоит осуществлять только в сигнальном жилете. Жилет должен быть застегнут. Распахнутый жилет заметен намного хуже.

Необходимо осмотреться и, затем, сразу, быстро и безопасно высадить из салона всех пассажиров и отвести их за пределы дороги. В случае, если на пассажирах не надеты сигнальные жилеты, они должны перемещаться по проезжей части и обочине исключительно под прикрытием водителя в светоотражающем жилете. Пассажиры должны находиться за пределами дороги, это означает не на обочине, а вне таковой, поскольку, есть вероятность попытки объезда препятствия по обочине без снижения скорости другими участниками движения.

Целесообразно выставить два знака аварийной остановки: одного на расстоянии, согласно ПДД, и второго на расстоянии не менее 100 метров от автомобиля во всех случаях остановки на дорогах с высокими скоростями движения.

Если авария произошла на автомагистрали или другой оживленной дороге, то заранее развернутый знак аварийной остановки следует нести двумя руками над головой, сигнальной стороной навстречу потоку. Находиться всегда безопаснее сбоку от автомобиля со стороны обочины и доставать из багажника знак из того же положения.

Считаем целесообразным внедрить разработанный алгоритм безопасного поведения водителя при возникновении ДТП без пострадавших (рис.1).

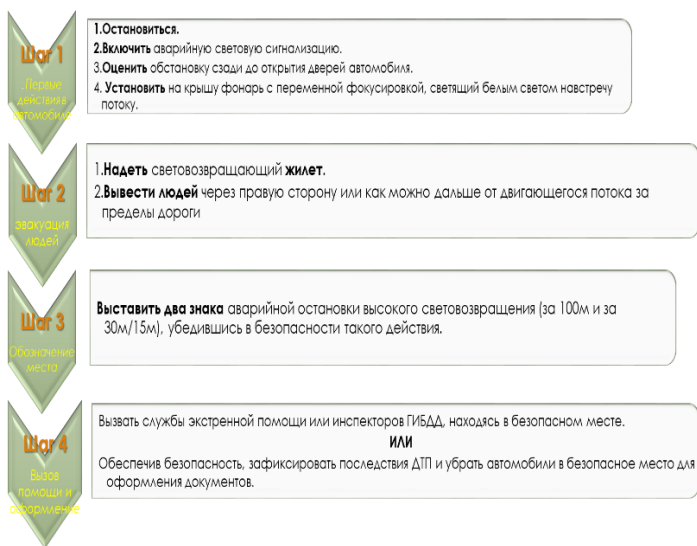

Рисунок 1 – Схема алгоритма безопасного поведения водителя при возникновении ДТП без пострадавших

С учетом результатов проведенного анализа можно утверждать, что по своим объективным характеристикам вторичное ДТП является одним из типов происшествий, связанных с экстренной остановкой ТС на проезжей части. В связи с этим важно понимать, что при решении данной проблемы акцентировать внимание исключительно на необходимости изменения порядка оформления ДТП нецелесообразно. Наиболее эффективным будет комплексный подход, который должен включать предупреждение ДТП, обусловленных экстренной остановкой транспорта или наличием иных препятствий на скоростных автомобильных дорогах.

Исследуемая проблема является актуальной, необходимо понимать ее значимость и принимать реальные действия по снижению количества таких ДТП. Описанный комплексный подход позволит минимизировать количество вторичных ДТП.

Список использованных источников и литературы:

[1] Указ Президента Российской Федерации от 14.11.2025 №841 «Об утверждении Стратегии повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». – Доступ из справ. – правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.

[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: от 30.12.2001 №195-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru>

[3] О Правилах дорожного движения: Постановление Совета Министров – Правительства РФ от 23.10.1993 №1090 (ред. от 01.01.2025г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru>

[4] Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 9 месяцев 2025г. Информационно-аналитический обзор. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2025, 37 с.

[5] Кокорин А.Е. Вторичные дорожно-транспортные происшествия: правовой стереотип как ключевой фактор риска / Научный журнал «Экономика. Социология. Право.», 2026, №1(41). С. 126-131

[6] Ляхов П.В. Анализ условий совершения вторичных дорожно-транспортных происшествий / современная наука. 2020. №1. – С. 27-30

[7] Показатели состояния безопасности дорожного движения: официальный сайт Госавтоинспекции РФ. – URL: <http://stat.gibdd.ru>

© *Е.В. Климова, С.Б. Джахьяева, 2026*

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

З.Н. Нурлигенова,
м.п.н., старший преподаватель,
А.Е. Сарсенбаева,
студент 1 курса
напр. «Биотехнологии»,
А.Т. Шакимова,
студент 1 курса «Биотехнологии»,
НАО КарТУ имени Абылкаса Сагинова,
г. Караганда, Казахстан

ДВИЖЕНИЕ «АЛАШ» И ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В КАЗАХСТАНЕ

Аннотация: в статье рассматривается роль движения «Алаш» в развитии идеи национальной государственности Казахстана в начале XX в. Анализируются исторические предпосылки возникновения движения, содержание Каркаралинской петиции, решения Первого и Второго Всеказахских съездов 1917 г., программа партии «Алаш» и деятельность правительства Алаш-Орды. Особое внимание уделяется политическим и общественным взглядам казахской национальной интеллигенции, выступавшей за территориальную автономию, защиту земли, развитие образования, национальной культуры, местного самоуправления и правового государства. Обосновано, что политико-правовые идеи движения «Алаш», несмотря на различие исторических условий начала XX в. и современного периода, оказали значительное влияние на развитие концепции национальной государственности, формирование политического самосознания и укрепление идеи независимости Казахстана.

Ключевые слова: движение «Алаш», Алашская автономия, Алаш-Орда, казахская интеллигенция, национальная государственность, политическая модернизация, независимость Казахстана.

Независимость и национальная государственность занимают особое место в историческом развитии каждого народа. Их становление является результатом длительных общественно-политических процессов, формирования национального самосознания и последовательного утверждения права народа самостоятельно определять пути своего развития. В истории Казахстана значительный вклад в осмысление вопросов территориальной целостности, национального самоуправления и политического самоопределения внесло движение «Алаш», сформировавшееся в начале XX в.

Возникновение движения было связано с глубокими преобразованиями, происходившими в казахском обществе в составе Российской империи. Усиление переселенческой политики, сокращение земельных ресурсов кочевого населения, изменение традиционной системы управления и распространение новых форм общественной деятельности способствовали политической консолидации национальной интеллигенции. Представители нового образованного слоя стремились совместить защиту интересов казахского народа с принципами конституционализма, гражданского равноправия, просвещения и социально-экономической модернизации [1, с. 17]. Политическая программа лидеров «Алаш» определялась реалиями своего времени. Они связывали будущее казахского народа с созданием национально-территориальной автономии в составе демократической федеративной России. Вместе с тем сформулированные ими положения о сохранении территории, выборном управлении, верховенстве закона, развитии национального образования и равноправии граждан стали существенным этапом становления идеи казахской государственности.

К началу XX в. казахские земли были включены в административно-политическую и хозяйственную систему Российской империи. Проведение административных реформ и переселенческой политики сопровождалось изъятием значительных земельных площадей, изменением традиционных маршрутов кочевания и усилением зависимости местного населения от колониальной администрации. В результате земельный вопрос приобрёл не только экономическое, но и

общенациональное политическое значение. В этот же период сформировалась казахская интеллигенция нового типа. Её представители получали образование в Омске, Оренбурге, Казани, Санкт-Петербурге, Москве и др. культурно-образовательных центрах. Знакомство с либеральными, демократическими и реформаторскими идеями расширяло их представления о возможных путях развития общества. К числу наиболее известных представителей национальной интеллигенции относились Алихан Букейханов, Ахмет Байтурсынов, Миржакып Дулатов, Жакып Акпаев, Мухамеджан Тынышпаев, Халел и Жанша Досмухамедовы, Алимхан Ермаков и другие деятели [2].

Первая российская революция 190-1907 гг. способствовала активизации общественной жизни. Для защиты интересов населения казахская интеллигенция использовала доступные легальные средства: петиционные кампании, проведение съездов, участие в выборах в Государственную думу и публикации в периодической печати. Важнейшим политическим документом данного периода стала Каркаралинская петиция 1905 г. В ней были поставлены вопросы прекращения изъятия казахских земель, расширения доступа к образованию, использования казахского языка в официальном делопроизводстве, свободы вероисповедания, открытия национальных печатных изданий и участия местного населения в управлении краем [3, с. 369-381]. Значение петиции заключалось в том, что насущные потребности населения получили системное политико-правовое выражение.

После Февральской революции 1917 г. возникли новые возможности для открытой политической деятельности. На Первом Всеказахском съезде, состоявшемся в Оренбурге в июле 1917 года, обсуждались будущее государственное устройство России, автономия казахских областей, земельный вопрос, деятельность земств, народное образование, положение женщин, религия, подготовка к выборам в Учредительное собрание и создание национальной политической партии. Организационное оформление партии «Алаш» относится именно к 1917 г. Проект её программы был опубликован в газете «Қазақ» 21 ноября 1917 г. Документ включал десять

разделов: государственное устройство, местная свобода, основные права, религия, суд и судебная власть, защита страны, налоги, рабочий вопрос, образование и земельная политика [4, с. 83]. Авторы проекта выступали за преобразование России в демократическую федеративную республику, равенство граждан независимо от происхождения и вероисповедания, свободу слова, печати, собраний и общественных объединений. Программа предусматривала неприкосновенность личности и жилища, независимость суда, выборность органов местного управления, бесплатное образование и обучение в начальной школе на родном языке. Особое место занимал земельный вопрос. Представители «Алаш» выступали против дальнейшего переселенческого изъятия земель и считали необходимым прежде всего обеспечить землёй местное население. Земельная политика рассматривалась ими как основа сохранения территории, хозяйственной самостоятельности и национального развития.

Октябрьская революция 1917 г. и последовавший распад общероссийских государственных институтов обострили вопрос о политическом будущем казахских областей. На Втором Всеказахском съезде, состоявшемся в Оренбурге в декабре 1917 г., рассматривались вопросы автономии, организации народной милиции, создания органов управления, образования, суда и обеспечения общественной безопасности. Съезд принял решение об образовании национально-территориальной автономии «Алаш» и сформировал временный Народный совет – Алаш-Орду. В его состав были избраны 25 человек, причём десять мест предназначались представителям других народов, проживавших на территории автономии. Председателем правительства был избран А. Букейханов. Такой состав отражал стремление руководителей движения создать модель управления, учитывавшую многонациональный характер региона и принцип гражданского равноправия.

Реализация проекта автономии проходила в чрезвычайно сложных условиях. Гражданская война, отсутствие единого политического центра, нехватка финансовых и военных ресурсов, территориальная разобщённость казахских областей и противостояние различных сил существенно ограничивали

возможности Алаш-Орды. Алашская автономия не успела сформировать устойчивую систему государственных институтов. В 1919-1920 гг. деятельность её органов была прекращена. Часть представителей движения вошла в советские учреждения и продолжила работу в области образования, науки, культуры и управления.

Несмотря на непродолжительный период существования, опыт Алаш-Орды имел важное историческое значение. Впервые в начале XX в. вопрос о политической автономии казахских земель получил организационное воплощение в форме национального правительства и программы создания собственных управленческих институтов. Движение «Алаш» продемонстрировало возможность сочетания национальных интересов с общегражданскими ценностями. Автономия рассматривалась его лидерами не как средство культурной изоляции, а как политическая форма, способная обеспечить самоуправление казахского народа, равноправие граждан и мирное сосуществование различных этнических и религиозных групп.

Движение «Алаш» стало результатом социально-экономических, политических и культурных преобразований, происходивших в казахском обществе на рубеже XIX-XX вв. Оно объединило представителей национальной интеллигенции, стремившихся правовыми и политическими средствами защитить землю, культуру и интересы своего народа.

Каркаралинская петиция, решения Первого и Второго Всеказахских съездов, программа партии «Алаш» и деятельность Алаш-Орды отражают последовательное развитие идеи национального самоуправления. Несмотря на то что проект автономии не был реализован в полном объёме, он стал значительным опытом политической самоорганизации и свидетельством зрелости казахской общественной мысли.

Основной вклад движения состоял в разработке принципов территориальной автономии, правового государства, выборного управления, гражданского равноправия и национального образования. Эти положения расширили содержание казахской политической мысли и определили важные ориентиры общественного развития.

Таким образом, движение «Алаш» следует рассматривать как один из ключевых этапов формирования идеи национальной государственности Казахстана. Его политическое и интеллектуальное наследие способствовало укреплению национального самосознания, сохранению исторической памяти и развитию представлений о праве казахского народа самостоятельно определять своё будущее.

Список использованных источников и литературы:

[1] Аманжолова Д.А. Казахский автономизм и Россия: история движения «Алаш». – М.: Россия молодая, 1994. – 213 с.

[2] Нұрпейісов К. Алаш һәм Алашорда. – Алматы: Ататек, 1995. – 256 б.

[3] Алаш қозғалысы: құжаттар мен материалдар жинағы. Сәуір 1901 ж. – желтоқсан 1917 ж. Т. 1 / жауапты редактор М.Қ. Қойгелдиев. – Алматы: Алаш, 2004. – 552 б.

[4] Алаш-Орда: сборник документов / сост. Н. Мартыненко. – Алма-Ата: Айқап, 1992. – 192 с.

© З.Н. Нурлигенова, А.Е. Сарсенбаева, А.Т. Шакимова, 2026

*М.А. Яковлева,
преподаватель,
Мурманский арктический университет,
г. Апатиты, Российская Федерация*

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ У СААМОВ И КОМИ-ИЖЕМЦЕВ: ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Аннотация: в статье рассматриваются социокультурные процессы у двух финно-угорских народов Кольского полуострова – саамов и коми-ижемцев. На основе исторических источников и современных исследований анализируются исторический контекст формирования обеих этнических групп, особенности их традиционного хозяйства, межэтническое взаимодействие и культурный обмен. Особое внимание уделяется трансформации традиционного уклада, проблемам языковой и культурной ассимиляции, динамике этнической идентичности.

Ключевые слова: саамы, коми-ижемцы, Кольский полуостров, этническая идентичность, традиционное хозяйство, социокультурные трансформации, коренные малочисленные народы Севера, языковая ассимиляция.

Введение.

Кольский полуостров – территория многовекового взаимодействия различных этносов, среди которых особое место занимают финно-угорские народы. Коренными жителями региона являются саамы (саами, лопари), чья история насчитывает здесь не менее десяти тысяч лет. Одновременно на полуострове проживают коми-ижемцы (изъватас) – потомки переселенцев из Печорского края, прибывших в конце XIX века [1]. Оба народа относятся к финно-угорской языковой семье, однако их исторические судьбы, формы традиционного хозяйства и социокультурные траектории существенно различаются.

Вместе с тем в XX-XXI вв. обе этнические группы столкнулись с подобными вызовами: советской политикой

коллективизации и седентеризации, разрушением традиционной хозяйственной организации, процессами языковой и культурной ассимиляции, а в настоящее время — вытеснением из традиционных промыслов в связи с промышленным освоением территорий и изменением климата [2]. Изучение социокультурных процессов у саамов и коми-ижемцев позволяет проследить механизмы адаптации малочисленных народов к радикальным изменениям социально-экономической среды и выявить общие закономерности трансформации этнической идентичности в условиях модернизации.

Цель данной статьи — комплексный анализ социокультурных процессов у саамов и коми-ижемцев в их историческом развитии и современности; выявление общих черт и различий в их этнокультурных траекториях; описание динамики этнической идентичности обеих групп.

Саамы — коренной малочисленный народ Кольского полуострова. Археологические и антропологические данные свидетельствуют о том, что предки саамов населяли этот регион с эпохи мезолита, прибыв с запада около 10-11 тысяч лет назад. В древних источниках они упоминаются под названиями *fenni* (римский географ Птолемей, II в. н. э.) и *финны* (скандинавские саги). С VII-X вв. саамы попали в сферу влияния Новгородского, а затем Московского государства, платя ясак пушниной, рыбой и оленьими шкурами [3].

К началу XX века на Кольском полуострове насчитывалось 18 саамских погостов — территориально-общинных образований, выступавших основной единицей социально-экономической организации саамов. Погосты имели четкие границы по естественным ориентирам и объединяли семьи, связанные общинной собственностью на рыбные тони, охотничьи угодья и оленьи пастбища. При этом внутрисемейная собственность включала внутренние реки и озера, а родовая — осенние и весенние пастбища. Границы на местности официально не отмечались: каждый знал, кому принадлежит какое озеро.

Коми-ижемцы относятся к этнографической группе народа коми и происходят из бассейна реки Ижма (Печорский уезд). Первые крупные партии переселенцев отправились с

Печоры в 1883–1884 годах. Семьи шли со стадами, нартами, упряжью, хозяйственным скарбом и даже вспомогательным скотом. Маршрут пролегал вдоль побережья, через Кандалакшский залив к Ловозерским тундрам. К зиме 1886–1887 годов основные группы достигли саамского села Ловозера, где нашли подходящие пастбища и начали обустраиваться.

Первоначальная группа переселенцев в 1887 г. состояла из 65 человек (включая несколько ненцев), в 1898 в Ловозере проживал уже 121 коми-ижемец, а к 1938 году их численность составила 964 человека.

Отношения между саамами и коми-ижемцами на рубеже XIX–XX вв. были напряженными. В отличие от саамов, коми-ижемцы при переселении не имели законных прав на землю. Саамы опасались, что коми будут занимать их пастбища, вытаптывать ягель, забирать оленей и вытеснять коренное население [4]. По мнению В.В. Чарнолуцкого (1930), саамская оленеводческая система «вступила в критическое состояние» в результате экономического доминирования ижемцев.

Долгое время положение переселенцев оставалось шатким: у них не было формального разрешения на проживание и включение в местное общество. Поворотной точкой стал 1897 год, когда первые семьи официально приняли в состав Ловозерского погоста. Это закрепило их право на пользование пастбищами и участие в местной экономике.

Тем не менее, коми-ижемцы, обладавшие более высоким культурным и хозяйственным уровнем, постепенно завоевали авторитет. Они вели хозяйство коммерчески: применяли круглогодичный выпас оленей, производили отбор и забой скота, выделявали замшу, изготавливали предметы одежды и обуви для продажи, сбывая продукцию на рынки Петербурга, Москвы и Улеаборга. Ижемцы создали крупные стада: в 1902 г. – 18 тыс. оленей, в 1909 г. – 30 тыс.

Глядя на успешных соседей, саамы стали перенимать их методы: охранять свои стада, устраивать загоны, переходить к торгово-предпринимательскому скотоводству и оседлому образу жизни. Число оленей у саамов за 30 лет (1872–1902) увеличилось более чем в четыре раза. К 1930 г. в колхоз «Тундра» вошли семьи русских, ненцев, коми и саамов, что

способствовало сближению народов. В свою очередь, ижемцы адаптировали некоторые местные практики ориентирования и выживания в тундре. В итоге сформировался своеобразный северный хозяйственно культурный комплекс, где разные традиции взаимно дополняли друг друга.

Традиционное хозяйство саамов и коми-ижемцев имело фундаментальные различия, обусловленные их экологической адаптацией и историческим опытом.

Саамы вели комплексное использование природных ресурсов: рыболовство (морское и речное), охоту на песца и дикого зверя, оленеводство исключительно для транспортных нужд. Животноводство (молочный скот) и растениеводство (огородничество) у саамов отсутствовали. Хозяйственная специализация погостов различалась: например, Вороненский погост располагал 6 морскими тонями и 10 речными/озерными, а Семиостровский – 5 морскими тонями и 12 местами лова на озера, а также крупным стадом оленей.

Коми-ижемцы практиковали коммерческое оленеводство, скотоводство и огородничество, сочетая полукочевой образ жизни с оседлым бытом. Их упряжки были более грузоподъемными (из четырех оленей), тогда как саамы использовали вольный выпас, беря для передвижения одного оленя. Ижемцы жили в избах с амбарами и банями, саамы – в вежах. Грамотность среди ижемцев была значительно выше: большинство имели начальное образование и обучали детей, тогда как среди саамов грамотность оставалась низкой.

Земельные отношения представляли одну из наиболее сложных сфер взаимодействия обеих групп. Саамская система землепользования базировалась на общинной собственности с четким разделением: общинная – сезонные пастбища, семейная – внутренние реки и озера, родовая – осенние и весенние пастбища. Границы на местности официально не отмечались, каждый знал, кому принадлежит какое озеро.

Культурное взаимодействие между саамами и ижемцами проявлялось во взаимном обмене традициями. Саамы переняли у коми-ижемцев малицу (одежду из оленьих шкур) с пришитым капюшоном и рукавицами, которая оказалась более удобной и практичной по сравнению с саамской. В то же время ижемские

мастерицы переняли у саамских способы украшения меховых изделий сукном и бисером. Языком межнационального общения стал русский; многие коми изучили саамский, а саамы заговорили на языке коми [4].

Наиболее значительный урон традиционной хозяйственной культуре саамов был нанесен в 1920-1930-е годы в процессе промышленного освоения Кольского полуострова. Начиная с 1930-х годов происходило «выдавливание» саамов с запада полуострова и с побережий [2].

Создавались первые колхозы, начинался перевод коренного населения на оседлость. В 1930-е годы существовало убеждение, что «чем выше оседлость оленеводов, тем более организованное хозяйство они способны создать» [2]. Переселения саамов в 1930–1960-е годы оказались губительными для их традиционной хозяйственной, социальной и территориальной организации, ключевым компонентом которой являлся погост. Саамский мир, традиционно устроенный как полицентричное пространство, обрел главный центр – село Ловозеро.

Значительная часть национальных саамских поселений была ликвидирована в 1950-1960-е годы как неперспективные [2].

Период с начала 1980-х гг. характеризуется своеобразным «бумом саамской культуры»: возрождаются ремесла и рукоделия, создается Национальный музей в с. Ловозеро и Национальный культурный центр коренных народов, возобновляется преподавание саамского языка в школах, создается саамское радио, издаются книги саамских авторов.

У коми-ижемцев процесс реидентификации активизировался в конце 1980-х – 1990-е гг. Как показывает исследование Ю.П. Шабаева и соавторов (2015), в 1960-1980-е гг. локальная идентичность ижемцев была практически утрачена, уступив место общезнатическому самосознанию («коми»). В этот период ижемские активисты выступили с призывом включить ижемцев в Перечень коренных малочисленных народов Севера [1].

Современные исследования демонстрируют масштабные изменения в этнической структуре обеих групп.

Саамы. По данным Всероссийской переписи 2020 г., численность саамов в РФ составила 1530 человек (по переписи 2002 г. – 1769 чел.). По итогам исследования 2023 г., проведенного среди саамов Кольского полуострова, выявлено, что лишь 7,5% опрошенных считают саамский язык родным, 13,5% – двуязычны (саамский и русский), а 79,0% признали родным исключительно русский язык. Доля национально-смешанных семей среди саамов составляет 66,7%, при этом в смешанных семьях 89,5% детей определяются родителями как саамы. Только 8,3% мужчин и ни одна из женщин на официальной работе заняты традиционными промыслами [5].

Коми-ижемцы. По переписи 2020 г., общероссийская численность ижемцев составила 4748 чел. (в 2010 г. – 6420 чел.) [1]. В Мурманской области по переписи 2010 г. проживало 1649 коми, в Ловозерском районе – около 1200 чел. Около 80% коми сконцентрированы в селе Ловозеро (~25% населения райцентра), в селе Краснощелье их доля превышает 50%, 34,4% стали горожанами за пределами сельского района.

Важным маркером этнической идентичности ижемцев является праздник Луд – традиционный календарный праздник, приуроченный к началу сельскохозяйственного сезона и выходу на сенокос [1]. В 2013 г. Луд был включен в Реестр объектов нематериального культурного наследия народов России.

Обе группы сталкиваются с ограничениями в использовании земель, связанных с деятельностью горнодобывающих компаний, инфраструктурных проектов и расширения военной инфраструктуры в Арктике. По данным исследований MDPI (2022), 38,9% земельной поверхности Мурманской области занимают олени пастбища, однако экономическая самостоятельность оленеводческих кооперативов существенно ограничена балансом сил на рынке.

Заключение

Исторические траектории саамов и коми-ижемцев, несмотря на их финно-угорское родство, существенно различаются. Саамы – автохтонный народ Кольского полуострова с тысячелетней историей, сложившейся в условиях арктической среды и базировавшейся на общинной системе землепользования и комплексном использовании природных

ресурсов. Коми-ижемцы – потомки переселенцев с Печоры, прибывших на Кольский север в конце XIX века и принеших традицию коммерческого оленеводства, земледелия и оседлого быта.

Обе группы, однако, столкнулись с общими вызовами модернизации: советская политика коллективизации, седентеризации нанесла серьезный удар по традиционному укладу обоих народов, приведя к разрушению саамских погостов, утрате языков и культурных традиций [2]. В постсоветский период наблюдается активный процесс этнокультурной ревитализации: у саамов – через возрождение языка, ремесел и этнического самосознания, у коми-ижемцев – через актуализацию локальной идентичности, культурные проекты.

Обе группы сегодня сталкиваются с серьезными проблемами: критическое снижение числа носителей родного языка, вытеснение из традиционных промыслов в связи с промышленным освоением территорий и изменением климата, высокий уровень смешанных браков и демографическое снижение. Эти процессы требуют выработки эффективных стратегий сохранения этнокультурного наследия саамов и коми-ижемцев как неотъемлемой части культурного ландшафта Русского Севера и Арктики.

Список использованных источников и литературы:

[1] Данилова Е.Н. Этнокультурное наследие изъясат: современное осмысление и перспектива актуализации// Этнография, 2023. – №1 (19). – С. 120-138. doi 10.31250/2618-8600-2023-1(19)-120-138

[2] Сулейманова О.А., Пация Е.Я. Повседневно-бытовые аспекты адаптации саамов к городскому образу жизни // Труды Кольского научного центра РАН. – 2016. – №8-10 (42). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povsednevno-bytovye-aspekty-adaptatsii-saamov-k-gorodskomu-obrazu-zhizni> (дата обращения: 29.08.2026).

[3] Саамы. [электронный ресурс] // Национальный акцент. <https://nazaccent.ru/nations/saam/>(дата обращения 04.08.2026 г.). – Заглавие с экрана.

[4] Лобанова Н. История двух народов: как саами и коми-ижемцы делили Ловозерье [электронный ресурс]// <https://www.murmansk.kp.ru/daily/28310/4450996/> (дата обращения 04.08.2026 г.). – Заглавие с экрана.

[5] Кривоногов, В.П. Саамы: современные этнические процессы / В.П. Кривоногов // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2024. – №2 (68). – С. 108-115.

© М.А. Яковлева, 2026

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

А.А. Здерев,
*аспирант 1 курса спец. «Региональная
и отраслевая экономика»,
науч. рук.: О.И. Клименко,
д.э.н., проф.,
АНО ВО «Белгородский университет
кооперации, экономики и права»,
г. Белгород, Российская Федерация*

СЕТЕВАЯ СТРУКТУРА КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ОЦЕНКА ЭФФЕКТОВ МАСШТАБА И ВЗАИМОСВЯЗЕЙ

Аннотация: в статье исследуется сетевая организация хозяйственных систем как фундаментальный фактор современной экономической безопасности. Систематизированы эффекты масштаба и синергии межсубъектных взаимосвязей, а также выявлены критические уязвимости, порождаемые зависимостью от центральных узлов-хабов. Обоснована необходимость применения методологии сетевого анализа и сценарного стресс-тестирования для оценки устойчивости экономики к деструктивным шокам.

Ключевые слова: экономическая безопасность, сетевая структура, сетевые эффекты, резилиентность, системные риски, сетевой анализ, транзакционные издержки, цифровая экономика, межсубъектные связи.

Глобальные экономические трансформации последних лет, связанные с фрагментацией рынков, санкционным давлением и перестройкой логистических цепочек, заставляют по-новому взглянуть на то, как обеспечивается устойчивость хозяйственных систем. Классические иерархические модели управления и жесткие вертикальные структуры все чаще уступают место сетевым формам организации. Бизнес и государство уходят от простой концентрации ресурсов внутри отдельных предприятий, выстраивая сложные экосистемы,

платформы и горизонтальные кооперационные цепочки.

С одной стороны, такая сетевизация дает мощный толчок эффективности: снижаются издержки на транзакции, ускоряется обмен информацией, а масштабирование бизнеса происходит быстрее за счет сетевых экстерналий. С другой стороны, чем плотнее и сложнее становятся эти связи, тем уязвимее оказывается вся система к внешним и внутренним шокам. Разрыв одного ключевого узла в цепочке поставок или финансовой сети способен вызвать лавинообразный эффект домино, парализуя работу целых отраслей эффективнее любого прямого материального ущерба. Возникает классическое противоречие: сетевая структура выступает одновременно и главным источником современной экономической адаптивности, и главным проводником системных рисков.

В современной экономике сетевая структура перестала быть просто вспомогательным инструментом логистики или маркетинга и превратилась в базовый каркас воспроизводственных процессов. Элементарной единицей организации экономики становится не изолированное предприятие, а гетерогенная сеть акторов, способная динамично перестраиваться под влиянием внешней среды.

Сетевая среда порождает особые эффекты масштаба, которые кардинально отличаются от классической экономии на масштабе времён Альфреда Маршалла, привязанной к объемам выпуска отдельного завода. В сетях ключевую роль играют сетевые экстерналии (эффекты Медкалфа, Сарнова, Риды), когда полезность системы для каждого нового участника возрастает нелинейно по мере увеличения общего числа связей. Снижаются предельные издержки координации и транзакционные издержки поиска партнеров.

Однако в контексте экономической безопасности те же самые сетевые экстерналии имеют обратную, теневую сторону. По мере роста масштаба сети и уплотнения связей возрастает системная связанность. Если в разреженной структуре локальный сбой гасится на периферии, то в плотной сетевой экосистеме с выраженным «ядром» и «периферией» масштабный эффект работает как ускоритель кризиса. Доминирование интересов центральных узлов (платформ-

монополистов или системообразующих холдингов) над интересами периферийных участников создает структурные дисбалансы. В результате сетевая структура формирует двойственный эффект: она повышает общую адаптивность и скорость реакции системы в штатном режиме, но одновременно закладывает фундамент для лавинообразного распространения системных шоков и кризисов ликвидности или поставок.

Характер межсубъектных связей в современной сетевой экономике определяет не только коммерческую успешность хозяйствующих субъектов, но и их устойчивость к деструктивным внешним воздействиям. В отличие от традиционных иерархических структур, где прочность системы задается толщиной административных барьеров и жесткостью вертикального подчинения, в сетевых экосистемах устойчивость обеспечивается за счет архитектуры связей — их плотности, центральности, а также наличия или отсутствия так называемых «структурных дыр».

Плотность сети задает скорость циркуляции ресурсов, капитала и информации. С одной стороны, высокая плотность контактов порождает мощный синергетический потенциал. Горизонтальная и вертикальная интеграция участников в рамках единых цифровых платформ или производственных кластеров позволяет минимизировать издержки простоя, оперативно перераспределять сырьевые и финансовые потоки, а также реализовывать совместные инновационные проекты, недоступные одиночным игрокам. Возникает эмерджентный эффект, когда совокупная устойчивость интегрированной сети превышает сумму устойчивости ее отдельных элементов.

С другой стороны, избыточная плотность и жесткая взаимосвязанность превращают сеть в проводник системного кризиса. Здесь начинает работать феномен «вооруженной взаимозависимости», детально исследуемый в современной экономической науке. В условиях глобализации и цифровизации инфраструктурные сетевые узлы концентрируют в себе критическую власть, независимо от того, являются ли они международными платёжными системами, логистическими хабами, облачными платформами или стандартами передачи данных. Акторы, контролирующие эти центральные узлы

(«ядро» сети), получают возможность использовать архитектуру связей как инструмент экономического принуждения или блокировки для периферийных участников.

В результате меняются сами критерии и фокус обеспечения экономической безопасности. Классическая защита изолированных материальных и финансовых активов уступает место защите непрерывности транзакционных процессов. Объектом целенаправленных деструктивных атак все чаще становятся не физические мощности предприятий, а доверие между контрагентами, деловая репутация, целостность информационных потоков и бесперебойность расчетных каналов. Потеря доверия к одному системообразующему финансовому институту или разрыв ключевого логистического коридора способны разрушить сеть контрагентов за считанные дни, вызвав масштабные неплатежи и остановку производства.

Кроме того, синергетические эффекты имеют свойство инвертироваться при достижении определенного порога сложности. Если на этапе становления сети каждый новый участник и каждая дополнительная связь увеличивают общую гибкость, то после прохождения точки оптимума транзакционные издержки на согласование интересов начинают лавинообразно расти. Возникают условия для оппортунистического поведения отдельных агентов, стремящихся переложить издержки поддержания общей безопасности на остальных участников, сохраняя за собой все преимущества центрального положения. Это порождает скрытые структурные дисбалансы, которые при возникновении внешнего шока приводят к мгновенному схлопыванию целых сегментов сети.

Традиционный инструментарий финансово-экономического анализа, опирающийся на статичные коэффициенты ликвидности, рентабельности, оборачиваемости активов и показатели бухгалтерской отчетности отдельных предприятий, оказывается принципиально неадекватным в условиях сетевой организации хозяйственных систем. Эти классические метрики фиксируют лишь локальное состояние изолированного агента, упуская из виду синергетические эффекты, транзакционную динамику и скрытые структурные

риски, зарождающиеся на пересечении межфирменных связей.

Для преодоления этого ограничения современная наука все активнее адаптирует математический аппарат теории графов, сетевого анализа (Social Network Analysis, SNA) и агент-ориентированного имитационного моделирования. В рамках данного подхода экономическая система представляется в виде ориентированного графа, где вершины выступают в роли хозяйствующих субъектов (предприятий, банков, инфраструктурных узлов, домашних хозяйств), а ребра отражают материальные, финансовые, информационные или договорные потоки между ними.

Ключевыми расчетными параметрами здесь выступают показатели центральности, которые позволяют выявить узлы-хабы, концентрирующие наибольший объем транзакций. С точки зрения экономической безопасности высокая степень центральности узла означает его критическую значимость для всей сети: сбой в таком узле мгновенно мультиплицируется на всю периферию. Однако лишь топографии графа недостаточно, здесь необходима разработка интегральных композитных индикаторов (индексов сетевцентричности), которые бы одновременно учитывали плотность связей, скорость диффузии кризисных явлений, степень диверсификации альтернативных каналов поставок и уровень институционального доверия.

Особое место в методологии оценки занимает сценарное стресс-тестирование сетевых структур на предмет их устойчивости к деструктивным воздействиям. Здесь исследователи дифференцируют два принципиально разных сценария внешнего шока:

- Случайные сбои, когда из строя выходят периферийные элементы сети. Благодаря высокой избыточности и гибкости горизонтальных связей сетевые структуры демонстрируют колоссальную резилиентность к таким сбоям, перенаправляя потоки в обход поврежденных участков.

- Целенаправленные атаки, нацеленные на деструкцию центральных узлов-хабов или ключевых инфраструктурных мостов (например, санкционное отключение от конкретных технологических платформ или трансграничных платежных систем). В этом случае топологическая прочность сети резко

падает, вызывая каскадный эффект («эффект домино») и лавинообразное разрушение сопряженных производств.

Тем не менее, чистый математический моделируемый анализ натывается на серьезные институциональные ограничения. В реальных социально-экономических системах на пути реализации сетевых преимуществ встают барьеры оппортунистического поведения, асимметрия информации и проблема согласования разнонаправленных интересов автономных акторов. Формальные контракты часто вступают в противоречие с неформальными сетевыми практиками, порождая так называемые «институциональные ловушки». Участники сети стремятся максимизировать частную выгоду за счет централизации ресурсов, перекладывая издержки поддержания общей безопасности (резервирование мощностей, дублирование каналов, киберзащита) на более слабых агентов периферии.

В результате методология оценки экономической безопасности в сетевых структурах должна носить комплексный, междисциплинарный характер, объединяя количественные метрики графового моделирования, институциональный анализ транзакционных издержек и учет поведенческих факторов (восприятие рисков, уровень генерализованного доверия в бизнес-среде). Без этого любые попытки построить универсальные превентивные модели защиты национальной или региональной экономики обречены на фрагментарность.

Таким образом, сетевая организация хозяйственных систем является фундаментальным фактором для современной экономической безопасности, имея двойственную природу. С одной стороны, она выступает как фактор обеспечения высокой скорости адаптации и синергетических эффектов, с другой – является фактором для создания критических уязвимостей и рисков распространения шоков. Адекватная оценка такой устойчивости невозможна без отказа от статичных финансовых метрик в пользу сетевого анализа и учёта институциональных факторов, что позволит повысить эффективность защиты экономических интересов в условиях растущей сложности глобальной среды.

Список использованных источников и литературы:

[1] Томуров П.Д., Кудрявцев К.А. Обеспечение экономической безопасности цифровых экосистем с позиции управления данными [электронный ресурс] // Вестник экономики, права и социологии. – 2025. – №3. – С. 462-467. URL: <https://doi.org/10.24412/1998-5533-2025-3-462-467> (дата обращения: 23.09.2026). – Заглавие с экрана.

[2] Коваленко Е.И. Логистические риски сетевых структур в условиях цифровизации [электронный ресурс] // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2020. – №2 (122). – С. 183-187. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/logisticheskie-riski-setevyh-struktur-v-usloviyah-tsifrovizatsii> (дата обращения: 23.09.2026). – Заглавие с экрана.

[3] Попова А.В., Баракина Е.Ю. Трансформация государственных цифровых платформ обеспечения экономической безопасности [электронный ресурс] // Экономика. Налоги. Право. – 2023. – Т. 16, №4. – С. 158-166. URL: <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2023-16-4-158-166> (дата обращения: 23.09.2026). – Заглавие с экрана.

[4] Бычкова С.М., Макарова Н.Н. Анализ информационной безопасности в контексте системы экономической безопасности сетевого взаимодействия субъектов [электронный ресурс] // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. – 2022. – №4. – С. 86-98. URL: <https://doi.org/10.24412/2071-6435-2022-4-86-98> (дата обращения: 23.09.2026). – Заглавие с экрана.

[5] Дмитриев А.В., Нос В.А. Обеспечение экономической безопасности при внедрении цифровых технологий в транспортной логистике [электронный ресурс] // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). – 2024. – Т. 31, №1. – С. 21-29. URL: <https://doi.org/10.54220/v.rsue.1991-0533.2024.1.85.003> (дата обращения: 23.09.2026). – Заглавие с экрана.

© А.А. Здерев, 2026

*Т.Н. Иголкина,
к.э.н., доцент,
Ю.Ф. Богатырева,
старший преподаватель,
АНО ВО «Белгородский университет
кооперации, экономики и права»,
г. Белгород Российская Федерация*

МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ И ЕГО РОЛЬ В СИСТЕМЕ АНТИКРИЗИСНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация: в статье рассматривается мониторинг как ключевой инструмент диагностики кризисных явлений в системе антикризисного управления. Проведён анализ теоретических подходов к определению сущности мониторинга, выявлена его роль в превентивном управлении предприятием. Определены ключевые функции мониторинга в структуре антикризисного управления.

Ключевые слова: мониторинг, диагностика, экономическое положение, кризисные явления, антикризисный менеджмент, слабые сигналы, превентивное управление.

В современных экономических условиях, характеризующихся высокой турбулентностью внешней среды, геополитической нестабильностью и ужесточением конкурентной борьбы, проблема своевременного выявления кризисных явлений в деятельности хозяйствующих субъектов приобретает критическое значение. Как справедливо отмечается в научной литературе, зачастую кризис в бизнесе компании наступает неожиданно для её руководства, поскольку первые признаки наступления кризиса принимают за временные проблемы, которые можно решить в текущем режиме управления. В российской управленческой практике устойчиво сохраняется представление о необходимости антикризисных мер лишь в чрезвычайных ситуациях, когда угроза банкротства стала явной, что значительно затрудняет оздоровление организации.

В связи с вышесказанным, мониторинг финансово-экономического положения хозяйствующего субъекта выступает не просто аналитическим и информационным инструментом для руководящего состава компании, а является фундаментальной основой антикризисного менеджмента.

В современной научной литературе мониторинг финансово-экономического положения организации трактуется неоднозначно, что обусловлено многогранностью самого явления. Традиционный подход определяет мониторинг как систему наблюдения и регистрации количественных параметров, характеризующих состояние объекта. Однако, по мере развития управленческой мысли данное понятие обогащалось новыми смысловыми оттенками.

Как отмечает Е.В. Поносова, мониторинг в антикризисном управлении представляет собой информационно-аналитическую основу для факторной модели управления предприятием, базирующуюся на принципах информативности, истинности, полезности и проверяемости [1].

Л.Н. Кириллова обосновывает расширенное представление об антикризисном управлении, предлагая рассматривать его как комплекс мероприятий – от предварительной диагностики потенциальных кризисных изменений до методов по преодолению реального кризиса. По её мнению, антикризисное управление – это система управления предприятием, которая носит комплексный, системный характер и направлена на выявление, предотвращение и устранение неблагоприятных для бизнеса явлений [2].

Особого внимания заслуживает подход М.Н. Пимочкина, который вводит понятие антикризисного мониторинга «слабых сигналов», свидетельствующих о формировании и развитии предпосылок кризиса на предприятии [3]. В современных условиях такой мониторинг интегрируется в систему оперативного менеджмента и предлагается осуществлять по ряду направлений: оценка конкурентных позиций, технического уровня производства, состояния задолженности и др.

На основе обобщения существующих подходов представляется целесообразным рассматривать мониторинг кризисных явлений как непрерывный, системно организованный

процесс наблюдения, сбора, обработки и анализа экономических показателей и индикаторов деятельности предприятия, а также факторов внешней и внутренней среды, осуществляемый с целью своевременного выявления отклонений от нормативной траектории развития, раннего обнаружения предпосылок кризиса и информационного обеспечения принятия управленческих решений. Эффективная система антикризисного управления включает четыре взаимосвязанных элемента: мониторинг состояния предприятия, диагностику степени проявления кризиса, разработку антикризисных мероприятий и контроль за их выполнением [4]. При этом мониторинг является начальным и одновременно сквозным элементом всего управленческого цикла. В структуре антикризисного управления мониторинг выполняет следующие ключевые функции:

1. Информационная функция – обеспечение руководства достоверной, полной и своевременной информацией о текущем экономическом состоянии предприятия, динамике ключевых показателей. Как отмечается в исследовании, реализация политики антикризисного управления предусматривает осуществление мониторинга финансового состояния предприятия с целью раннего обнаружения признаков его кризисного развития.

2. Сигнальная (предупредительная) функция – своевременное выявление первых симптомов экономического кризиса. Приоритетное значение здесь имеет мониторинг состояния и результатов финансово-хозяйственной деятельности, поскольку нарушения именно в этой сфере могут привести к банкротству предприятия.

3. Диагностическая функция – углублённый анализ выявленных отклонений, оценка масштаба и глубины кризисных явлений, выявление причинно-следственных связей. Антикризисный мониторинг представляет собой углублённый, расширенный контроль за деятельностью предприятия, нацеленный на своевременное выявление и оценку негативных явлений.

4. Превентивная функция – создание основы для проактивного управления, позволяющего предотвращать

кризисные ситуации, а не только ликвидировать их последствия. Кризисные ситуации более эффективно и менее затратно предотвращать, а не ликвидировать.

Мониторинг и диагностика являются взаимосвязанными, но не тождественными инструментами. По нашему мнению, диагностика в антикризисном управлении представляет собой совокупность экономически обоснованных методов и приёмов финансово-экономического анализа, которые при систематическом применении позволяют своевременно выявить кризисное состояние организации. Мониторинг обеспечивает непрерывное отслеживание показателей, а диагностика – углублённое исследование при обнаружении сигналов о возможных проблемах.

Таким образом, мониторинг является фундаментальным элементом системы антикризисного управления, обеспечивающим непрерывное информационное сопровождение всех этапов управленческого цикла – от раннего обнаружения кризисных явлений до контроля эффективности антикризисных мер. Его основное назначение – предупреждение развития кризисных ситуаций.

Список использованных источников и литературы:

[1] Поносова Е.В. Концепция информационно-мониторинговой основы для факторной модели антикризисного управления предприятием // КЭ. – 2013. – №3 (75). URL: <https://cyberleninka.ru>

[2] Кириллова Л.Н. Мониторинг издержек как инструмент антикризисного управления // Экономический журнал. 2012. – №25. URL: <https://cyberleninka.ru>

[3] Пимочкин М.Н. Профилактические мероприятия для обнаружения кризисных явлений на предприятии // Экономика и управление. – 2013. – №10 (96). URL: <https://cyberleninka.ru>

[4] Роль антикризисного управления в системе обеспечения экономической безопасности предприятия / Иголкина Т.Н., Доловатенко И.В., Губина Е.А. // Лучшая научно-исследовательская работа 2025: сборник статей XII Международного научно-исследовательского конкурса / Под общ. ред. Г.Ю. Гуляева – Пенза: МЦНС «Наука и

Просвещение». – 2025. – 98 с. – С. 36-40.

© *Т.Н. Иголкина, Ю.Ф. Богатырева, 2026*

*А.А. Кантарович,
к.э.н., доц.,
А.Е. Фадеева,
студент 5 курса
напр. «Таможенное администрирование
и интеллектуальные технологии»,
СПбГЭУ,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация*

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ КОНТРОЛЯ ЗА ВВОЗОМ И ОБОРОТОМ ТОВАРОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация: рассмотрен процесс организации контроля за ввозом и оборотом товаров, приведена статистика по внешнеторговому обороту, определены направления цифровой трансформации совершения таможенных операций, предложены мероприятия по совершенствованию контроля.

Ключевые слова: контроль за ввозом и оборотом товаров, цифровизация, интегрированная платформа.

Развитие внешнеэкономической деятельности в РФ может быть обеспечена за счет внедрения цифровых технологий, упрощения и ускорения таможенных операций, а также формирования комфортных условий путем создания предсказуемой среды для функционирования добросовестных участников ВЭД [1].

Цифровую трансформацию таможенного администрирования ФТС следует рассматривать как комплексную задачу и многоуровневый процесс, охватывающий нормативное, технологическое и организационное обеспечение, обуславливающую необходимость формирования новых моделей взаимодействия участников ВЭД, государства и бизнеса.

По данным, представленным на сайте ФТС Российской Федерации (первое полугодие 2025 и 2026 годов), совокупный объем экспортных поставок за январь-июнь 2026 года составляет 219, 53 млрд. долларов США, что на 11,85% выше

аналогичного периода 2025 года [2], что позволяет говорить о существовании экспортно-ориентированной модели экономики. Группа минеральные продукты (ТН ВЭД 25-27) составляет 55% экспорта, а экспорт металлов увеличился на 24,83%. Третью по значимости группу товаров занимает кожевенное сырье, пушнина с приростом 69% и четвертую – продовольственные и сельскохозяйственные товары – прирост 25,9%. Такие группы товаров как целлюлозно-бумажные изделия и древесина, машины и оборудование наоборот, показала отрицательную динамику соответственно – 4,01% и 6,62%.

Охарактеризуем тенденции импорта товаров в РФ, которые демонстрируют равномерное увеличение темпов роста по группам товаров. Так в сегменте машин и оборудование намечился рост на 12,43%, что составляет 48% совокупного импорта и демонстрирует тенденцию обновления производственных мощностей. Увеличился на 10,09% импорт продукции химической промышленности и каучука, а также минеральных продуктов на 60,09%. Таким образом можно констатировать, что внешнеторговая деятельность Российской Федерации в первом полугодии 2026 года сохранила тенденцию к расширению импортного и экспортного сегмента по сравнению с аналогичным периодом 2025 года.

Рост объемов экспортных и импортных поставок обосновывает необходимость совершенствования таможенного администрирования путем создания прочного фундамента цифровой трансформации по ключевым направлениям для обеспечения эффективности таможенных операций.

К таким направлениям относят:

- систему управления рисками, позволяющую на этапе движения товаров к границу выявить, оценить и минимизировать потенциальные угрозы и нарушения;

- элементы искусственного интеллекта, применяемые для анализа рентгеновских снимков и транспортных средств и позволяющие сократить время проведения таможенного досмотра и повысить точность контрольных мероприятий;

- технологии «единого окна», предоставляющие возможность однократного предоставления информации для последующего использования государственными органами;

– платформы блокчейн, гарантирующие неизменность и прозрачность данных о товарах по всем цепочкам поставок.

Деятельность отдела контроля за ввозом и оборотом товаров (ОКВиОТ) Санкт-Петербургской таможни напрямую связана с проведением таможенных проверок (камеральная и выездная), таможенным осмотром, досмотром, проверкой таможенных и иных документов. Проверка документов и сведений проводится также с использованием информационной системы таможенных органов. За последний год отделом были проведены 290 проверочных мероприятий, что позволило повысить результативность до 98%. В своей деятельности отдел использует следующие информационные системы: Портал ФТС России, Центральный реестр субъектов внешнеэкономической деятельности (ЦРСВЭД), комплекс программных средств (КПС) «Постконтроль», автоматизированную подсистему (АПС) «Госуслуги». Каждая из систем выполняет свои функции соответственно – обеспечение защищенного канала связи для предоставления данных (предварительный сбор), хранение информации и обеспечения доступа к данным об участниках ВЭД, планирование и проведение таможенных проверок после выпуска товаров, обмен электронными документами между таможней и участниками ВЭД. Такое количество систем приводит к операционным издержкам, связанным с использованием разных интерфейсов и необходимостью авторизации в каждом из них, а также с дублированием данных.

Для совершенствования деятельности контроля за оборотом товаров предлагается во первых объединить в рамках создания единой интегрированной платформы ФТС функционал существующих систем.

Вторым направлением может стать внедрение элементов искусственного интеллекта для отбора объектов контроля, основанного на анализе таких параметров как динамика импортных операций, структура цепочки поставок, частота корректировки таможенной стоимости и др. По результатам анализа каждому объекту контроля будет присвоен уровень риска с автоматической генерацией рекомендаций о необходимости проведения проверочных мероприятий.

В рамках третьего направления предлагается

автоматизировать процесс формирования запросов и анализа документов, получаемых в ответ на них.

Четвертое направление связано с необходимостью формирования единой базы данных событий, в которой будут храниться межсистемные запросы должностных лиц к каждой подсистеме с содержанием полученных ответов и принятым решениям, что позволит обеспечить полную прозрачность действий персонала и в будущем создаст основу для систем искусственного интеллекта.

Пятое направление связано с совершенствованием нормативно-правовой базы, подкрепляющей регламенты работы с цифровыми инструментами.

Таким образом, для повышения эффективности контрольной деятельности в условиях цифровизации таможенных органов предлагается создание интегрированной аналитической платформы на портале ФТС России, позволяющей сократить издержки на проведение операций и обеспечить прозрачность действий должностных лиц.

Список использованных источников и литературы:

[1] Распоряжение Правительства РФ от 23.05.2020 №1388-р «Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года» [электронный ресурс] // <https://www.consultant.ru>: Информационный КонсультантПлюс. – Электрон. данные. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_353557/ (дата обращения 08.09.2026 г.). – Заглавие с экрана.

[2] Федеральная таможенная служба. Таможенная статистика. Справочные и аналитические материалы [электронный ресурс] // customs.gov.ru / Данные по таможенной статистике внешней торговли Российской Федерации в разрезах товаров, стран, временных периодов URL: <https://customs.gov.ru/statistic/vneshn-torg/vneshn-torg-countries> (дата обращения 08.09.2026 г.). – Заглавие с экрана.

[3] Федеральная таможенная служба. Публичная декларация целей и задач – 2026 год. [электронный ресурс] // customs.gov.ru / Отчет об исполнении публичной декларации целей и задач Федеральной таможенной службы за первое

полугодие 2026 года URL: <https://customs.gov.ru/publichnaya-deklaracziya-czelej-i-z/2026-god> (дата обращения 08.09.2026 г.). – Заглавие с экрана.

© *А.А. Кантарович, А.Е. Фадеева 2026*

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ю.В. Зверева,
студент 4 курса
напр. «Юридические науки»,
науч. рук.: **Д.И. Артемова,**
к.ю.н., доц.,
ФГБОУ ВО «Пензенский
государственный университет»,
г. Пенза, Российская Федерация

ОБЕСПЕЧЕНИЕ КИБЕРУСТОЙЧИВОСТИ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ УКРЕПЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: в статье рассматривается роль кибербезопасности как ключевого инструмента защиты информационного суверенитета России. Анализируются современные угрозы: кибератаки на критическую инфраструктуру, информационно-психологические операции и технологическая зависимость от западного ПО. Представлена эволюция нормативно-правовой базы России. Описаны технологические механизмы обеспечения кибербезопасности и значение человеческого фактора. Делается вывод о том, что кибербезопасность является стратегическим стержнем национального суверенитета.

Ключевые слова: информационный суверенитет, кибербезопасность, критическая информационная инфраструктура, суверенный Рунет, импортозамещение, цифровая гигиена.

Понятие государственного суверенитета в XXI веке претерпело фундаментальные изменения. Сегодня ключевой ареной противостояния стало киберпространство [7]. Для России, переживающей внешнее давление в виде санкций, кибератак и информационных войн, защита информационного суверенитета превращается из технической задачи в вопрос

национального выживания. Информационный суверенитет – это способность государства самостоятельно формировать информационную политику, защищать цифровую инфраструктуру, обеспечивать безопасность персональных данных граждан и противостоять внешнему деструктивному воздействию [9].

Современные угрозы носят комплексный характер. На техническом уровне речь идёт о массированных кибератаках на критическую инфраструктуру. По данным НКЦКИ, только за 2024 год было зафиксировано более 12 тысяч кибератак на объекты критической информационной инфраструктуры, что на 40% превышает показатели предыдущего года [10]. Основными источниками выступают западные и украинские хакерские группы, действующие при поддержке спецслужб [8].

Параллельно действуют информационно-психологические операции. Как отмечает А.В. Манойло, «дезинформация стала основным оружием гибридной войны, и ее целью является не столько изменение мнения, сколько подрыв доверия к институтам государства» [6]. Наконец, существует угроза технологической зависимости. До 2022 года значительная часть используемого в России ПО и сетевого оборудования была западного производства. Отключение лицензий и уход вендоров создали риск потери управления над критическими системами [5].

В ответ Россия создала продвинутую нормативно-правовую базу. Отправной точкой стала Доктрина информационной безопасности 2016 года [1]. В 2017 году принят Федеральный закон №187-ФЗ о безопасности критической информационной инфраструктуры [2]. Ключевым документом стал Федеральный закон № 90-ФЗ от 1 мая 2019 года – «Закон о суверенном Рунете». Он предписывает установку ТСПУ, позволяющих фильтровать трафик и обеспечивать автономную работу российского сегмента интернета [3]. Как подчёркивает Е.А. Воронина, «Закон о суверенном Рунете закрепил за Россией право на цифровое самоопределение» [4]. Указом Президента РФ №166 от 30.03.2022 введено импортозамещение иностранного ПО на критических объектах [5].

Однако правовых норм недостаточно без технологического наполнения. ГосСОПКА осуществляет непрерывный мониторинг трафика государственных органов и объектов критической инфраструктуры. НКЦКИ оперативно реагирует на атаки, накапливает и распространяет данные о новых угрозах. По оценке Центра стратегических разработок, благодаря работе НКЦКИ время реакции на критическую кибератаку сократилось с нескольких часов до 15–20 минут [7]. Все системы постепенно переводятся на российское оборудование и ПО («Эльбрус», Astra Linux, Postgres Pro) [8].

Ключевым уязвимым звеном часто оказывается человеческий фактор. По данным «Лаборатории Касперского», более 60% успешных кибератак на российские госучреждения связаны с действиями сотрудников, ставших жертвами социальной инженерии [9]. Поэтому реализуется программа кибергигиенического просвещения: уроки цифровой грамотности в школах, курсы для госслужащих. Как отмечает Т.Н. Самсонова, «без воспитания "цифрового патриотизма" – осознанной лояльности и критического мышления – никакие технические барьеры не смогут гарантировать информационный суверенитет» [10].

На международной арене Россия отстаивает принцип невмешательства во внутренние дела государств через интернет, продвигая идеи разработки универсальных норм ответственного поведения в киберпространстве на площадках ООН, ШОС и БРИКС [4].

Таким образом, кибербезопасность является стержнем информационного суверенитета России. Россия создала солидную правовую и технологическую базу, однако остаются вызовы: дефицит кадров (около 30 тысяч специалистов) [10], зависимость от импортной микроэлектроники, использование западных соцсетей. Перспективные направления – внедрение отечественной электронной компонентной базы, системы ИИ для выявления киберугроз, сотрудничество в рамках БРИКС и ШОС.

Список использованных источников и литературы:

- [1] Доктрина информационной безопасности Российской

Федерации (утв. Указом Президента РФ от 05.12.2016 №646) // Собрание законодательства РФ. – 2016. – №50. – Ст. 7074.

[2] Федеральный закон от 26.07.2017 №187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2017. – №31. – Ст. 4761.

[3] Федеральный закон от 01.05.2019 № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О связи" и Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"» // Собрание законодательства РФ. – 2019. – №18. – Ст. 2214.

[4] Указ Президента РФ от 30.03.2022 №166 «О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – №14. – Ст. 2296.

[5] Воронина Е.А. Правовое регулирование «суверенного Рунета»: российский и зарубежный опыт // Журнал российского права. – 2023. – №5. – С. 56, 67.

[6] Манойло А.В. Гибридные войны и информационный суверенитет: монография. – М.: Инфра-М, 2023. – 312 с. С – 112.

[7] Манойло А.В. Информационная война и информационный суверенитет. – М.: Издательство РУДН, 2022. – С. 12.

[8] Панченко П.Н. Киберугрозы критической инфраструктуре России: динамика и тенденции // Информационное право. – 2023. – №3. – С. 78-79.

[9] Стрельцов А.А. Информационный суверенитет государства в условиях глобализации // Национальная безопасность. – 2021. – №4. – С. 45.

[10] Шакиров Р.Р. Технологическая зависимость как угроза национальной безопасности // Вопросы политологии. – 2022. – №2. – С. 203.

[11] Ермолов И.А., Кузнецов Д.В. Эффективность систем противодействия кибератакам в Российской Федерации // Аналитический бюллетень Центра стратегических разработок. – 2024. – №12. – С. 34.

[12] Лаборатория Касперского. Исследование угроз

информационной безопасности государственного сектора России за 2024 год. – М., 2025. – 45 с. С. 22.

[13] Отчет Национального координационного центра по компьютерным инцидентам о деятельности в 2024 году. – URL: <https://cert.gov.ru>

© Ю.В. Зверева, 2026

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

О.В. Кулибина,

к.м.н., доц.,

ФГБОУ ВО ЯГМУ Минздрава России,

г. Ярославль, Российская Федерация

ОТ ШКОЛЬНОГО ОПЫТА К УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТРАЕКТОРИИ: МОТИВАЦИОННЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация: рассматривается проблема согласования функций общего и высшего образования через анализ ретроспективной оценки школы студентами вузов. Цель работы – определить устойчивое и изменяемое содержание представлений о назначении школы, способное стать основанием проектирования университетской адаптации и академической навигации. Материалом послужили ответы 4374 обучающихся трех направлений подготовки, представляющих федеральные округа Российской Федерации. Установлено, что познавательный смысл школы сохраняет приоритет на всех курсах, тогда как социальный и навигационный компоненты меняют относительную значимость по мере освоения университетской программы. Обоснована модель преемственности, объединяющая входную диагностику, сопровождение образовательного выбора, наставничество и развитие субъектной позиции студента.

Ключевые слова: преемственность образования, образовательная траектория, учебная мотивация, академическое наставничество.

Актуальность исследования обусловлена тем, что переход из школы в университет нередко трактуется как завершённый факт поступления, хотя в действительности он представляет продолжительный процесс переосмысления образовательного опыта. Преемственность следует понимать не как стыковку программ, а как превращение прошлого опыта в ресурс дальнейшей траектории [2; 3].

Цель исследования – выявить структуру представлений студентов о функциях школы и на этой основе сформулировать педагогические решения, обеспечивающие содержательную преемственность между уровнями образования. Исследование выполнено в дизайне поперечного аналитического среза. В опросе участвовали 4374 студента 1-6 курсов трех направлений подготовки: 1507 первокурсников, 1134 студента второго курса, 612 – третьего, 485 – четвертого, 536 – пятого и 100 – шестого курса. Участникам предлагалось выбрать варианты ответа на вопрос о том, для чего им была нужна школа. Рассчитывались доли по совокупности и курсам; межгрупповые различия проверялись однофакторным дисперсионным анализом.

Полученные данные демонстрируют наличие устойчивого познавательного ядра школьного опыта. Получение знаний назвали 73,95% участников, общение со сверстниками – 62,03%, подготовку к продолжению образования – 48,09%. Значительно реже школа осмысливается как пространство ориентации в жизни (27,25%), творческого развития (26,46%), профессионального выбора (19,97%) или самореализации (17,70%). Низкая доля отрицательных и неопределенных ответов свидетельствует о сохранении ее легитимности в глазах студентов.

Сопоставление курсов выявило два разнонаправленных процесса. Во-первых, познавательный мотив остается ведущим: его значения находятся в интервале от 70,79% до 79,26%, а различия статистически незначимы. Следовательно, знания выступают не ситуативным ожиданием, а общим смысловым основанием, на котором может выстраиваться диалог школы и вуза. Во-вторых, доля выбравших общение со сверстниками уменьшается от 64,14% на первом курсе до 56,30% на шестом. Это не свидетельствует об утрате потребности в общении, а отражает смену образовательной оптики: по мере накопления опыта возрастает роль самостоятельного определения будущего. Так, ориентация на поступление в колледж, вуз, магистратуру или аспирантуру повышается с 46,01% у первокурсников до 57,78% у студентов шестого курса; различия по данному мотиву статистически значимы ($F=3,76$; $p=0,002$).

Школа выполняет одновременно академическую,

социальную, ценностно-ориентационную и навигационную функции. Их соотношение не фиксировано: на ранних этапах университета особенно востребованы включенность в студенческое сообщество, безопасная коммуникация и возможность заявить о себе; на поздних – сопровождение выбора следующей образовательной или профессиональной позиции. Пограничные различия по общению со сверстниками ($p=0,063$) и творческому развитию ($p=0,052$) дополнительно указывают на чувствительность этих аспектов к образовательной среде. Это требует адресной работы с мотивацией [3; 4].

На основании результатов предлагается модель «смысловой преемственности», включающая четыре взаимосвязанных компонента. Диагностический компонент предполагает входное выявление ожиданий первокурсников, их представлений об успешности и дефицитов учебной навигации. Коммуникативный компонент реализуется через малые группы, студенческие сообщества и практики равного наставничества, позволяющие преобразовать потребность в общении в опыт академического сотрудничества. Навигационный компонент объединяет тьюторские консультации, обсуждение образовательных альтернатив, рефлекссию компетенций и освоение инструментов портфолио. Субъектно-развивающий компонент ориентирован на включение студентов в проектную, исследовательскую и профессионально пробную деятельность, где знания приобретают личностный и общественный смысл.

Практическая реализация модели может быть дифференцирована по этапам. На первом-втором курсах приоритетны адаптационные модули, взаимное наставничество и задания, в которых учебное содержание требует кооперации. На 3-4 курсах необходимы рефлексивные практики, связывающие освоенные дисциплины с образом профессии, а также сопровождение индивидуальных учебных решений. На старших курсах возрастает значение консультаций по магистратуре, аспирантуре, трудоустройству и непрерывному образованию. Такой подход сохраняет ведущую когнитивную функцию обучения, не противопоставляя ей социализацию, творчество и профессиональное самоопределение. Он

соответствует современному представлению об университете как среде, поддерживающей не только передачу знаний, но и становление ответственного автора собственной образовательной траектории [1; 5; 6].

Выводы. Таким образом, эмпирически подтверждено, что в представлениях студентов школа прежде всего остается источником знаний и пространством социальных связей. Межкурсовая динамика проявляется главным образом в снижении относительной значимости общения и усилении ориентации на последующие уровни образования. Потенциал преемственности состоит в переводе представлений в систему непрерывного сопровождения: от входной диагностики и включения в сообщество к академической навигации и самостоятельному проектированию будущего. Перспективой дальнейших исследований является сопоставление мотивационных профилей по направлениям подготовки, регионам и типам образовательных организаций, а также оценка эффективности предложенной модели в лонгитюдном дизайне.

Список использованных источников и литературы:

[1] Кулибина О.В. Функции школы в представлениях студентов российских вузов: структура мотивов и межкурсовые различия // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2025. – №2. – С. 73-81.

[2] Кулибина О.В. Ценностные приоритеты студентов российских вузов: эмпирический анализ и педагогические выводы // Современное педагогическое образование. 2025. №6. С. 232-237.

[3] Кострикин Е.Г. Современные механизмы формирования учебной мотивации студентов вуза // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. №1(129). С. 27-32.

[4] Токарева В.П. Минимизация рисков при формировании мотивации у студентов во время учебного процесса // Вестник науки. 2025. Т. 2, №1(82). С. 648-656.

[5] Зулкарнаева П.Л., Алиева М.А., Овсенко Г.А. Анализ развития учебной мотивации студентов высших учебных заведений // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. Т. 8, №6(147). С. 159-164.

[6] Чернявская А.П., Летина Н.Н. Осмысление целей общего образования российскими старшеклассниками // Ярославский педагогический вестник. 2024. №5(140). С. 8-25.

© О.В. Кулибина, 2026